

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ – ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

С.Д. БОДРУНОВ,
*вице-президент ВЭО России,
президент Межрегиональной Санкт-
Петербурга и Ленинградской области
общественной организации ВЭО
России, директор Института нового
индустриального развития, советник
Губернатора Санкт-Петербурга по
экономике
и промышленной политике,
координатор Промышленного совета
при Губернаторе Санкт-Петербурга,
первый вице-президент Союза
промышленников и предпринимателей
(работодателей) Санкт-Петербурга,
академик Международной Академии
менеджмента и Санкт-Петербургской
инженерной академии, д.э.н.,
профессор*

Уважаемые коллеги!

Итак, вряд ли кто-то будет возражать, что лучшим материальным фундаментом стабильности государства в наше время служит устойчивый экономический рост. Для России выполнение этого требования означает еще и поддержание ее статуса в качестве одного из мировых полюсов влияния. Утрата такого статуса неизбежно ставит под вопрос само существование России. Об этом российские обществоведы писали в позапрошлом столетии, этой же позиции придерживается и main stream современной российской политической экономии.

Данным обстоятельством, вообще говоря, всегда определялась наша государственная политика – от Петра I и Екатерины II до советского периода с его установкой «догнать и перегнать». И в современной России – по крайней мере, на вербальном уровне – формулируются те же «догоняющие» задачи.

Причем это говорилось и в конце 90-х, и продолжалось говорить все 2000-е годы; говорится это и сейчас.

Приведу некоторые цитаты из документов тех лет:

– «В среднесрочной перспективе... предотвратить дальнейшее увеличение разрыва между Россией и развитыми странами, а в долгосрочной перспективе – восстановить и упрочить позиции России как одной из стран-лидеров мирового развития» (Проект Основных направлений социально-экономического развития Российской экономики на долгосрочную перспективу: МЭРТ, 2000 г.);

– «Необходимо все наши решения, все наши действия подчинить тому, чтобы уже в обозримом будущем Россия прочно заняла место среди действительно сильных, экономически передовых и влиятельных государств мира... Весь наш исторический опыт свидетельствует: такая страна, как Россия, может жить и развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой. Во все периоды ослабления страны – политического и экономического «перед Россией всегда неотвратимо вставала угроза распада» (Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ: 2003 г.);

– «Стратегической целью является превращение России в одного из глобальных лидеров мировой экономики» (Концеп-

ция долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 г.; утверждена распоряжением Правительства РФ № 1662р от 17.11.2008 г.).

Очевидно, однако, что о материальной базе достижения этой цели можно говорить только тогда, когда будут сопоставимы технологические уровни экономики России и стран-лидеров современного мира.

За 30 лет, прошедшие с начала перестройки, которая началась под лозунгом ускорения – т.е., по существу, модернизации как попытки выйти из застоя, было получено не ускорение производства, а резкое замедление темпов его развития и деиндустриализация.

При кажущейся простоте для понимания, деиндустриализация – это явление сложное, со многими неочевидными, но весьма неоднозначными, порой драматичными эффектами.

Если под индустриализацией понимать процесс перевода экономики на промышленные рельсы, сопровождаемый совершенствованием средств производства, расширением основных фондов, механизации и автоматизации технических систем, то под деиндустриализацией следует осознавать обратный процесс. Но не только. При деиндустриализации труд упрощается, сложные операции заменяются более простыми, доля знаний в добавленной цене сокращается, производственный аппарат стареет и не возобновляется, расширенный тип воспроизводства постепенно вытесняется простым воспроизводством, и т.д. Возникает, как говорит Олег Сухарев из Института экономики РАН, «эффект 2Д: деиндустриализация – деквалификация»; «деиндустриализация – процесс, когда производство не просто сокращается или дает меньший выпуск, а когда оно становится более примитивным, теряет свой технологический уровень, когда разрушается производственная инфраструктура, сокращаются фонды, снижается уровень механизации и автоматизации, общий технологический уровень, сложность производственных операций, сокращается интеллектуальная основа производства».

При деиндустриализации наблюдаются:

– сокращение технологического уровня и глубины переработки исходного сырья, оснащенности производственных систем, станочного парка, оборудования и приспособлений;

– рост деквалификации труда: утрата навыков и умения производить, снижение квалификационного уровня персонала, утрата рабочих профессий;

– рост числа заемных (импортных) комплектующих, узлов и деталей машин в изделиях собственного производства».

Я бы даже сказал, при деиндустриализации возникает эффект не «2Д», а в координатах классической политэкономии – «4Д»:

– дезорганизация процесса производства (снижение уровня организации производства и управления производством);

– деградация применяемых технологий (падение технологического уровня производства);

– деквалификация труда в производстве;

– декомплицирование (упрощение) продукта производства, при этом следствиями становятся:

– дестабилизация финансово-экономического состояния производственных компаний;

– дезинтеграция промышленных структур и связей, и далее – многие другие «де».

Экономическим результатом этого явления становятся общий упадок и утрата целых направлений производственной деятельности, секторов производства и индустрии. Но есть и социально-политические последствия, как правило – негативные.

Приведем классический исторический пример.

В середине XVII века, как известно, ведущей промышленной державой была Голландия.

Однако затем она пережила «образцовую» деиндустриализацию, затронувшую, как видим, весь реальный сектор. Торговый баланс страны стал отрицательным. При этом коллапс местной промышленности сопровождался бегством промышленного капитала – в основном в Англию.

Итогом голландской деиндустриализации стала экономическая стагнация страны, продлившаяся до конца XVIII столетия,

перманентная политическая нестабильность и, в качестве известного итога, – население, приветствующее французскую армию, явившуюся освобождать его от собственного правительства.

Деиндустриализация «по-голландски»

Виды деятельности	Период: 50-е годы XVII в. – 20-е годы XVIII в.
– производство сукна	– сокращение производства в 4–4,5 раза
– судостроение	– сокращение производства в 10–15 раз
– товарное рыболовство и производство морепродуктов	– сокращение производства в 7–10 раз

Следствия:

- дефицит торгового баланса;
- коллапс местной промышленности;
- экономическая стагнация;
- политическая нестабильность

Оккупация страны иностранными войсками

О том, что деиндустриализация чревата колоссальными проблемами даже для высокоразвитых современных экономик, говорит опыт США; он весьма познавателен и важен для нашего анализа; остановлюсь на нем несколько подробнее.

В США современный процесс деиндустриализации начался в середине 1960-х годов. В эпоху «рейганомии» общая занятость увеличивалась в среднем на 1,4% в год; однако в промышленности шел противоположный процесс. После 1997 года он приобрел обвальный характер, и в итоге сейчас в американской индустрии занято 12 млн человек из 143 млн занятых. Производство «переехало» в Азию, а США превратились в фактического рекордсмена деиндустриализации.

Элементы деиндустриализации в США

- Вывод производства за пределы США.
- Перелокализация «серийных» технологий из США в места дислокации переданных производств.
- Снижение численности промышленно-производственного персонала, в т.ч. высококвалифицированного.

Численность персонала в промышленности		«Рейганомика» – промышленный аспект: – увеличение общей занятости на 1,4% в год; – падение численности ППП в индустриальных отраслях (в год): = сталелитейная отрасль – на 6%, = металлообработка – на 4,5%, = автомобилестроение – на 1,5%, = производство станков и оборудования – на 1,5%, = текстильная промышленность – на 2%, = швейная промышленность – на 2%.
1965 г.	22,8 млн чел.	
1997 г.	17,5 млн чел.	
2010 г.	12 млн чел.	

Следствия:

- стремительное ухудшение торгового баланса;
- «мутация» внутреннего спроса;
- бюджетный дефицит, рост госдолга;
- рост социального неравенства;
- перекося в банковской сфере.

Кризис 2008–2009 гг.

Последствия этого оказались многообразны.

Во-первых, американский экспорт стал все очевиднее отставать от импорта. Американская промышленность, по сути, стала проигрывать внутренний рынок и не смогла компенсировать этот проигрыш на рынке внешнем. Следствием этого стало стремительное ухудшение торгового баланса. Отрицательный торговый баланс породил отрицательный платежный, покрываемый в основном за счет внешних кредитов и эмиссии доллара. Внешний долг США, составлявший в 1989 г. \$2,7 трлн, вырос до \$17 трлн.

Во-вторых, деиндустриализация привела к видоизменению, «мутации» внутреннего спроса, который всегда считался сильной стороной Штатов, традиционно мало зависевших от конъюнктуры внешних рынков. Однако начиная со времен Рейгана американский внутренний спрос стал расти за счет специфического «инструментария». Поскольку реальная заработная плата, достигнув максимума в 1970-х, снизилась к середине 1990-х, то рост внутреннего спроса стал обеспечиваться за счет все более доступных кредитов. Итогом стала крайняя за кредитованность населения, перегруженного долгами, и коллекции «плохих» долгов у банков. Отсюда последовали зыбкость внутреннего спроса и возрастание неустойчивости банковской системы.

Кроме того, поскольку налог на доходы населения является основным источником доходов федерального бюджета США, то стагнация доходов – это отсутствие активного роста налогооблагаемой базы. Соответственно, появление бюджетного дефицита и стремительный рост госдолга в такой ситуации, как показывает практика, – лишь вопрос времени.

В-третьих, деиндустриализация поспособствовала возрастанию социального неравенства, которое мы наблюдали в США начиная с 1980-го года. Если в тот период первая по доходам тысячная доля населения (0,1%) получала чуть более 1% национального дохода, то сейчас она получает 5%. Т.е. по уровню неравенства в доходах населения США вернулись к 20-м годам XX века, заметим – кануну Великой депрессии. Причины ясны –

это просто эффект от снижения доли высокооплачиваемого индустриального труда и увеличения доли дешевого труда сферы услуг, заместившей индустриальный сектор. Между тем, как известно экономической науке, высокий уровень социального неравенства снижает величину внутреннего спроса.

В-четвертых, деиндустриализация неизбежно ведет к появлению пузырей (на фондовом, ипотечном рынке и т.д.) и перекосов в банковской системе. Промышленность по очевидным причинам более капиталоемка, чем сфера услуг и экономика в среднем. В итоге результатом деиндустриализации рано или поздно становится ситуация «много свободных денег – мало хороших сделок». Ситуативные действия финансовых властей могут улучшить или ухудшить эту ситуацию, но в целом она неизбежна. И вот в США первым ее следствием стала упомянутая прогрессирующая доступность кредита – в том числе ипотечного. Вторым – раздувание объема спекулятивного капитала на финансовых рынках. Результат того и другого известен – кризис 2008–2009 гг.

Не обошлась без нескольких периодов деиндустриализации и экономика России/СССР.

Перед первой мировой войной, как известно, наращивание экономического потенциала России шло высокими темпами. Его основу составляла растущая промышленность, вступавшая в 3-й, по академику С.Ю. Глазьеву, технологический уклад.

«Наряду с доминированием второго технологического уклада, вступившего в фазу зрелости, в ее [России] техническом базисе уже [перед Первой мировой войной] сложились и быстро распространялись отдельные технологические цепи третьего технологического уклада...» – отмечает академик С.Ю. Глазьев.

Однако мировая война, а затем Гражданская, разруха, разрыв хозяйственных связей привели к резкому ухудшению состояния российской экономики. Россия свернула с пути индустриального прогресса. Наступила эпоха длительной деиндустриализации страны.

Технологическая многоукладность российской промышленности

Как известно, первым значительным шагом по восстановлению экономики было принятие плана ГОЭЛРО, который, по сути, представлял собой долгосрочную программу восстановления и развития отечественной промышленности на основе прогрессивных тогда технологий третьего технологического уклада. Однако экономическая разруха и произошедшая за предыдущее пятилетие деиндустриализация оказались настолько глубоки, что большевистское правительство было вынуждено провозгласить НЭП (основой которого было восстановление в первую очередь мелкотоварного сектора экономики – и, соответственно, мелкотоварного производства), фактически «спустить» индустриальную часть ГОЭЛРО «на тормозах», ничего не сумев противопоставить стихийному восстановлению довоенной структуры экономики и, соответственно, восстановлению промышленности на довоенной технологической базе, соответствующей второму технологическому укладу. Это привело к тому, что советское государство к 30-м годам прошлого века оказалось с неэффективной индустрией, обладающей технологиями начала века. Это не позволяло сделать решительный рывок в экономике страны. Необходима была

индустриализация народного хозяйства, к которой в нашей стране приступили с начала 30-х годов.

Как известно, из двух вариантов индустриализации – т.н. ситцевой (ускоренное развитие легкой промышленности) и машиностроительной (форсированное развитие отраслей тяжелой промышленности) – был выбран второй, который по сути представлял собой реинкарнацию ГОЭЛРО в ускоренном варианте.

В определенной мере (мы не будем здесь анализировать, какой ценой!) индустриализация отечественной экономики была проведена; в ряде отраслей промышленности сформировались элементы третьего технологического уклада.

Однако затем наступили 40-е годы, новая война, и вновь – деиндустриализация. Послевоенное восстановление пошло по пути именно восстановления и копирования на просторах страны (т.е. де-факто – замораживания) довоенного (в основе своей – третьего) технологического уклада, тогда как в экономиках развитых стран активно формировался четвертый уклад. Это предопределило всю дальнейшую траекторию индустриального движения России – отставание примерно на один технологический уклад.

И наконец, безусловно, мощный деиндустриализационный удар нанесли российской экономике политические события конца XX века и ошибки, допущенные в 90-е – 2000-е годы в нашей экономической политике (приватизация промышленности в варианте, деформирувавшем индустриальное развитие; жесткая монетарная политика, приведшая к удорожанию и снижению доступности кредитных ресурсов для предприятий и т.д.). Это стало одной из важнейших предпосылок дальнейшего наращивания нашего технологического отставания от ведущих индустриальных держав.

Конечно, это все – разные по причинам, по характеру и т.д. «деиндустриализации»; они в то же время сходны по главному следствию – падению экономики, уровня жизни граждан и дестабилизации общества.

Несколько волн деиндустриализации экономики, длительная и дрящущая стадия нынешней деиндустриализации явились препятствием развития страны в последние десятилетия. Именно следствием деиндустриализации стала масса негативных явле-

ний 90-х – 2000-х годов: ограничения для России в приобретении новых технологий, утечка умов, отток и бегство капиталов и т.д.

И нынешняя рецессия, нужно это признать, в значительной степени является следствием глубокой деиндустриализации нашей экономики.

Очевидно, что продолжение такой экономической политики становится все более опасным.

Уже даже президент заявил, что сохранение подобной ситуации – это угроза нашей национальной безопасности, что ныне действующая экономическая модель российского общества себя исчерпала, необходим переход к новой модели экономического роста и развития российского общества в целом, необходима модернизация экономики.

Научное сообщество, политическое руководство страны, наши экономические власти обозначили в качестве базового тренда модернизации российской экономики ее реиндустриализацию – новую индустриализацию на основе новейшего технологического уклада.

Где мы, с этой точки зрения, сегодня находимся?

По исследованиям, проведенным научными коллективами РАН и доложенным общему собранию РАН (2008 г.), сделан вывод, что экономики стран-лидеров, начиная с конца 90-х годов XX века, опираются на так называемый пятый технологический уклад и начинают переход к шестому. Экономика же России многоукладна, в основном продолжает находиться в четвертом технологическом укладе с элементами пятого. Отсюда был сделан вывод, что необходимо ставить задачу завершения перехода к пятому технологическому укладу с одновременным занятием ряда ниш в шестом.

Итак, задача – куда двигаться при реиндустриализации – понятна. Посмотрим теперь на исходные условия, в которых надо искать ее решение.

Первая существенная особенность теперешней российской экономики, важная для оценки возможности осуществления реиндустриализации, состоит в том, что в стране еще не произошло восстановление даже того промышленного научно-технологического потенциала, который у нас был до начала перестройки.

**Динамика восстановления промышленного производства
(1991 г. = 100%)**

	1998	2008	2009	2012	2015 (прогноз)
ВВП	60,5	117,8	108,6	122,1	138,2
Промышленность в целом, в т.ч.:	48,2	85,4	77,5	90,0	101,3
Добыча полезных ископаемых	167,2	105,6	104,9	112,0	113,6
Обрабатывающие производства	40,7	82,9	70,3	87,1	101,4

Источник: здесь и далее, если не указано иное, использованы данные Росстата, Минэкономразвития России, Минфина России, Банка России.

Возьмем, например, машиностроение. Здесь – глубокий спад: по итогам 2012 г. объем производства составил чуть более половины от уровня 1991 г. По отдельным видам машиностроительной продукции этот спад беспрецедентен.

**Динамика выпуска отдельных видов продукции
в машиностроении**

	1990	2011
Турбины, млн кВт	12,5	6,8
Тракторы на колесном ходу, тыс. шт.	77,8	12,7
Тракторы на гусеничном ходу, тыс. шт.	63,8	1,72
Комбайны зерноуборочные, тыс. шт.	65,7	6,2
Комбайны кормоуборочные, тыс. шт.	10,1	0,286
Доильные установки, тыс. шт.	30,7	2,6
Прядильные машины, шт.	1509	27
Ткацкие станки, шт.	18300	9
Автомобили грузовые, тыс. шт.	665	207

И по доле машиностроения в структуре обрабатывающих производств сегодня российская экономика существенно отстает от стран – основных конкурентов.

**Доля производства машин и оборудования в структуре
обрабатывающих производств**

Страна	Год	Доля машин и оборудования, %
Россия	2011	21,5
США	2007	32,5
Германия	2008	42,8
Великобритания	2007	29,8
Франция	2008	27,9
Япония	2007	44,4
Бразилия	2007	26,9
Китай	2009	33,6

При этом спад отечественного машиностроения произошел прежде всего за счет стремительного сокращения производства в станкостроительных отраслях, а это основа машиностроительного комплекса.

**Динамика производства по видам экономической
деятельности в промышленности (1991 г. = 100%)**

	Факт				Прогноз	
	1998	2008	2009	2012	2015	2020
Производство машин и оборудования, в т.ч.	38,1*	63,3	43,4	53,5	66,8	
металлорежущие станки	11,2	7,2	2,8	5,1	7,7	9,6**
кузнечно-прессовые машины	5,4	11,5	5,3	8,3	8,2**	11,3**

* 1995 г.

** Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 года». Минпромторг России, 2013.

Если объемы производства машин и оборудования к 2012 г. едва превысили половину от объема 1991 г., не достигнув даже уровня 2008 г., то станкостроение вообще сократилось на порядок по сравнению с 1991 г.

Здесь Россия далеко отстает от стран-конкурентов.

Производство металлорежущих станков, шт.

Страна \ Тип станков	Сверлильные и фрезерные		Токарные	
	2007	2008	2007	2008
Россия	2 826	2 408	1 360	1 412
Германия	15 721	45 370	6 574	23 342
США	9 246	8 139	6 210	7 416
Япония	16 544	14 311	27 761	26 998
Бразилия	9 127	11 799	13 344	5 429

Таким образом, налицо **продолжающееся** физическое и моральное старение всей производственно-технологической базы.

Таков, вкратце, технологический аспект сегодняшней ситуации в промышленности.

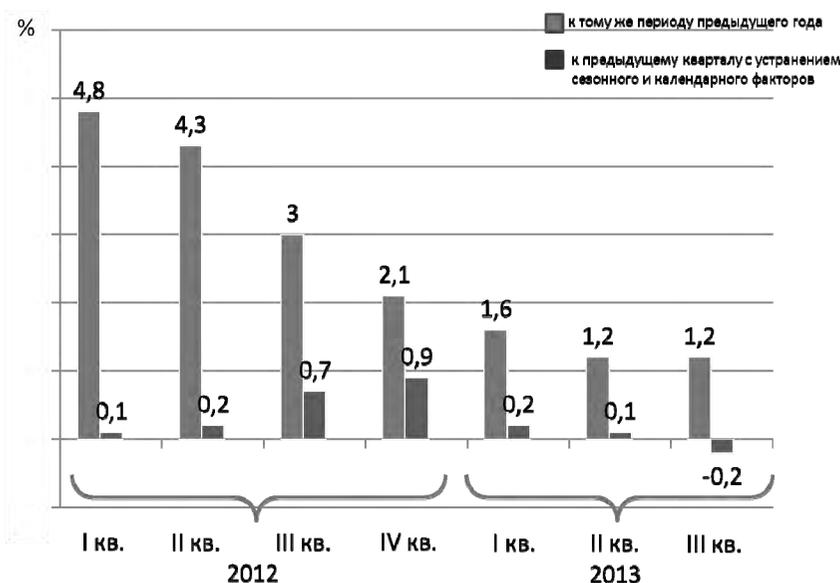
Теперь – о *второй* особенности, важной для нынешней модернизации. Она связана с текущим состоянием экономики в стране в целом.

Приведем некоторые цифры.

Текущая экономическая ситуация

Темпы роста ВВП	I полугод. 2012 г. – 4,5%; III кв. 2012 г. – 2,4%, IV кв. 2012 г. – 2,1% Падение в 3 раза I кв. 2013 г. – 1,6%; II кв. 2013 г. – 1,2%; III кв. 2013 г. ≈ 0,1% 2013 г. («оптимистический» прогноз МЭР) – 1,5%
Динамика ВВП, год	2010 г. – 8,2%, 2012 г. – 2,6% Падение в 3,1 раза
	янв. 2012 г. – 5,1%, янв. 2013 г. – 1,6% Падение в 3,2 раза
Инвестиции в основной капитал (% ВВП)	2008 г. – 21,2%, 2012 г. – 19,8% Снижение в 6,6 раза
Темпы роста импорта	2010 г. – 30,1%, 2012 г. – 3,6% Снижение в 8,4 раза
Инфляция, январь-февраль	2012 г. – 0,9%, 2013 г. – 1,5% Рост в 1,7 раза
Реальные доходы населения	2012 г.: «+» 5,3%; III кв. 2013 г.: «-» 1,3%
Прогноз роста экономики РФ на 2013 г. (Всемирный банк)	 Снижение уровня прогноза темпа роста экономики РФ на 8,3%
Темпы роста промышленности	2010 г. – 7,6%, 2012 г. – 2,5% Падение в 3 раза дек. 2012 г. – 1,0%, янв. 2013 г. – 0,8% III кв. 2013 г. ≈ 0,1%

Динамика экономического роста

Источники: Минэкономразвития, Росстат.

Как видим, снижение основных годовых показателей – в разы. Динамика этого года также крайне негативная – мы из квартала в квартал падаем. Причем на фоне нормальной конъюнктуры энергосырьевых рынков, что подтверждает простую истину – дело не во внешних причинах, а во внутренних. Сейчас уже ситуация, что ныне модно называется сурковским термином «околоноля», и падение продолжается. Мы входим в полноценную рецессию. И особенно трудно, заметим, как раз в обрабатывающей промышленности, поскольку суммарный «околонолевой» показатель промышленности на самом деле получен за счет ненулевого показателя добычи полезных ископаемых.

Таким образом, продолжающееся снижение темпов роста экономики – такова вторая особенность текущего момента.

Т.е. начинать реиндустриализацию придется в крайне жестких условиях – при продолжающейся деиндустриализации и начинающейся рецессии.

Так стоит ли начинать реиндустриализацию сейчас? Мне представляется – да, не только стоит, но необходимо, если думать о будущем.

Сделаю небольшое «лирическое» отступление.

Знаете, коллеги, в кризисном 2009 году я был призван, так сказать, на экономический фронт – возглавлял как член Правительства Санкт-Петербурга его Комитет экономики и промышленной политики. Так вот – наряду с ежедневной, тяжелейшей борьбой с кризисом, с созданием и реализацией городского Антикризисного плана – а эта работа была достаточно успешной и даже отмечена правительственной наградой – мы занимались будущим питерской промышленности: разработали и приняли первый в стране региональный закон о промышленной политике (кстати, федеральный закон принимается только сейчас!), создали городской Промышленный совет, разработали и провели через правительство – впервые! – долгосрочную Концепцию развития промышленности города и ряд соответствующих программ, причем на базе инновационного сценария развития городской экономики, где впервые – четко и однозначно – прописали ведущую, базовую роль промышленности в городской экономике.

К чему я это говорю? Сложности надо учитывать, но их не нужно бояться.

Главной целью реиндустриализации должно стать **восстановление** роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее **базовой** компоненты на основе нового, передового технологического уклада путем решения комплекса связанных с этим экономических, организационных и иных задач в рамках модернизации России.

Сегодня существуют разные подходы к определению сути новой индустриализации. Приведу только две цитаты. Думаю, они неплохо отражают наиболее популярное, я бы сказал, видение проблемы.

1. В.В. Путин: «Реиндустриализация – ...интенсивное развитие промышленности России за счет крупных вливаний средств в развитие (в т.ч. – в приобретение за рубежом) новых технологий и оборудования за счет реорганизации реципиента этих вливаний – промышленности в целом и ее базовых элементов и субъектов...».

2. Е.М. Примаков: «Основные черты новой индустриализации:
– диверсификация *структуры экономики* в сторону повышения в ней *доли обрабатывающей промышленности*;

– обеспечение этого процесса *трудовыми ресурсами* соответствующей *квалификации*;

– модернизация *финансовой системы* страны под нужды реиндустриализации;

– развитие «каналов», «лифтов», *связывающих научный девелопмент промышленности с производством*;

– *системный импорт высоких технологий*: а) через приобретение технологических активов за рубежом; б) путем привлечения прямых инвестиций в российскую промышленность при условии трансфера технологий...»

Из сказанного можно заключить, что реиндустриализация предполагает одновременное решение масштабных задач по нескольким взаимосвязанным направлениям:

– первое – восстановление или модернизация производственных мощностей, утраченных или устаревших в процессе деиндустриализации;

– второе – реализация программ и проектов инновационной индустриализации;

– третье – переход на стадию нового индустриального развития, я бы добавил – с учетом особенностей и технологических вызовов индустрии грядущих десятилетий:

- возрастающие темпы создания новых технологий, повышающих производительность труда и удешевляющих производство;

- снижение в промышленности доли труда затрат на производство новых изделий при возрастании доли затрат на их разработку;

- усиление «индивидуализации» производства, снижение его серийности;

- повышение уровня сложности производства, применяемых технологий и выпускаемых изделий;

- ускоряющаяся интеллектуализация и роботизация производства;

- усиления тенденций «физического» сближения разработчика и производителя, сокращения времени на внедрение новых изделий;

- перманентное повышение темпов трансфера технологий, рутинизация процесса трансфера технологий;

- все возрастающая интенсификация интеграционных процессов в промышленности, развитие новых форм интеграции и индустриальных структур (кластеры и т.п.).

Реиндустриализация как путь выхода из рецессии и база новой модели экономического роста – это мировой тренд.

Те же США, судя по всему, осознали, где лежат истоки кризиса, и понимают опасность сценария, подобного «староголландскому». Сейчас они взялись за осуществление плана реиндустриализации на базе двух основных идей: а) реализации энергетической стратегии по повышению доступности и удешевлению энергоносителей (в первую очередь для промышленности); б) стимулирования «оншоринга» («возврата домой») предприятий обрабатывающей промышленности.

Россия, чтобы сократить отставание от США и обеспечить форсированный переход к 5-му (с элементами 6-го) технологическому укладу, должна в рамках новой индустриализации решить две сходные задачи: а) относительного удешевления ресурсной базы, и б) обновления производственных мощностей обрабатывающей промышленности и модернизации промышленности в целом.

США серьезно обеспокоены тем, что, теряя промышленность, Америка, в конце концов, может утратить лидерство и компетенции в передовых отраслях. Обама уже дважды заявлял о необходимости вернуть в Америку рабочие места в промышленности и поддержал ряд законодательных инициатив в этой сфере.

Цели реиндустриализации и механизмы их достижения

США	Россия
Повышение уровня самообеспечения энергоносителями и удешевление энергоносителей: льготы для «новой» энергетики, сланцевый газ, развитие СПГ-бизнеса	Удешевление и увеличение ресурсной базы (Указ Президента РФ № 596 от 07.05.2012 г.) с увеличением объема инвестиций в промышленность (2015 г. – до 25% ВВП, 2018 г. – до 27% ВВП)
«Оншоринг» обрабатывающей промышленности: льготы для «неаутсорсинговой» промышленности, налоговое стимулирование промышленного «аутсорсинга», перепрофилирование старых производств/переобучение высвобождающихся рабочих	Модернизация производственных мощностей и структуры промышленности: создание/модернизация высокотехнологичных рабочих мест (к 2020 г. – 25 млн), развитие госкорпораций в промышленности, концентрация промышленных активов и капитала

В России целевые ориентиры и задачи реиндустриализации определены в известном майском указе президента. Особенно важная роль отводится решению двух проблем: увеличения инвестиций в реиндустриализацию и кадровой.

Безусловно, масштабы задач, обозначенных в указе, впечатляют. Реально ли их решить? Не отстала ли Россия навсегда? Что может нам помочь, а что станет риском? Каковы наши возможности и в чем могут состоять ограничения в достижении целей реиндустриализации?

К сожалению, в небольшом докладе нет возможности подробно осветить этот комплекс вопросов. Кое-что, возможно, те, кто интересуется подробностями, смогут найти в этой книжке, выпуск которой я, так сказать, в темпе «подогнал» к сегодняшнему нашему заседанию¹.

¹ С.Д. Бодрунов. Формирование стратегии реиндустриализации России / Монография / Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. – 680 с.

Итак, если коротко, может ли политика реиндустриализации у нас, с учетом того, что я сказал выше, иметь успех?

Во-первых, у нас все еще есть достаточно крепкие заделы в ряде отраслей – атомной энергетике, космонавтике, добывающих отраслях, оборонке и т.д.

Во-вторых, как указывает академик С.Ю. Глазьев, «кризис достигших фазы зрелости отраслей дает дополнительные шансы отстающим». При кризисе снижается капитализация располагающих передовыми технологиями фирм. Как следствие, более реалистичным становится возможность осуществления т.н. «технологического скачка» – через приобретение контрольных пакетов акций, выкуп технологий и т.п. И вот здесь, очевидно, соглашаясь с мнением Сергея Юрьевича, следует отметить, что еще одной особенностью нынешнего этапа экономического развития является «смена доминирующих технологических укладов». В этот период формируются «новые технологические траектории, происходит становление новых лидеров развития экономики, резкое сокращение времени между прорывными фундаментальными исследованиями и успешными инновационными проектами их практического освоения».

Учитывая сказанное, можно сделать (возможно, спорный, но очень важный!) вывод – у России, несмотря на текущие проблемы, все еще есть шанс войти в лидирующую группу мировых технологических держав, если мы правильно оценим приоритеты, рассчитаем свои возможности и грамотно учтем ограничения и риски.

И здесь первый вопрос: достаточно ли у России **финансовых ресурсов** для реиндустриализации?

Если объем инвестиций в реиндустриализацию в 2015 г. должен составить, по указу, 25% от ВВП, то с учетом прогноза Минэкономразвития в 2015 г. требуется увеличить объем инвестиций в реальный сектор экономики до 20 трлн рублей.

Для сравнения: по утвержденной правительством в конце декабря 2012 г. государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» объем фи-

нансирования в период до 2020 г. в среднем на год составляет около 440 млрд рублей. Приведенные цифры наглядно показывают: необходимо на порядок увеличить объемы финансирования инвестиционных проектов и программ, связанных с индустриализацией, модернизацией обрабатывающей промышленности и других базовых отраслей реального сектора экономики.

Согласно многочисленным расчетам, столь масштабное увеличение инвестиций в реальный сектор экономики возможно, но оно потребует переориентации денежных и кредитных ресурсов как корпораций, так и государства на решение задач реиндустриализации, предполагающей:

- смягчение монетарной, бюджетной, фискальной политики;
- использование части накопленных государственных финансовых резервов и резервов крупных госкорпораций на нужды реиндустриализации;
- кредитование базовых проектов реиндустриализации путем использования золотовалютных резервов;
- переориентация системы государственных льгот и преференций на реальную поддержку индустриального развития экономики;
- разработка и осуществление мер по рационализации вывода капитала;
- деофшоризация экономики;
- формирование адекватной задаче реиндустриализации денежно-кредитной политики, снижение стоимости заемного капитала для промышленности;
- использование возможностей международных финансовых организаций в целях реиндустриализации.

При определении источников финансовых ресурсов, необходимых для реиндустриализации, самым, пожалуй, спорным и острым вопросом, требующим тщательного обоснования, является использование накопленных финансовых резервов. В этой связи я бы полагал неверным на случай кризиса в качестве резервов считать только Резервный фонд и отчасти Фонд национального благосостояния.

Резервы и источники финансирования реиндустриализации

	2012–2015 гг. (план)
Резервный фонд	Увеличение на 1,9 трлн руб.
Фонд национального благосостояния	Увеличение на 2,8 трлн руб.
Прочие резервы:	
– ЗВР: св. 500 млрд долларов США (≈17 трлн руб.)	
– ПФР: св. 2,5 трлн руб.	
...	

Ведь есть еще и другие резервы! В целом государство уже сейчас имеет финансовые резервы в сумме порядка 20 трлн руб. Дальнейшее накопление крупных избыточных финансовых резервов представляется нецелесообразным. Действительная и надежная защита от кризиса – модернизация экономики.

Кстати, когда мы с Р.С. Гринбергом докладывали о необходимости реального перехода к политике реиндустриализации в Экспертном совете при Председателе Совета Федерации весной этого года, В.И. Матвиенко также в своем комментарии отметила, что «стоит серьезно задуматься над политикой перенакопления бюджетных средств в резервных фондах. Ни для кого не секрет, что нашей экономике уже сегодня жизненно необходимы дешевые, длинные деньги для кредитования, об этом не говорит в последние годы только ленивый».

Еще одним, на самом деле гигантским резервом для финансирования задач реиндустриализации является снижение уровня и структуры налогового льготирования всего и вся, предусмотренного нашей налоговой системой (кроме того, что нужно). По данным Минфина, налоговые льготы обходятся бюджету в 1,8 трлн рублей в год (т.е. почти 3% ВВП, если брать прошлый год). При этом назовите мне значительные льготы для промышленности! Нет таких. Более того, на местах – наоборот, промышленность «стригут» все, кому не лень. Например, буквально на днях ЗАКС Санкт-Петербурга отменил льготу по налогу на имущество промпредприятий, предоставленную ранее в связи с введением в качестве базы для этого налога новой кадастровой стоимости земли, превышающей даже рыночную. Зато льготы

получают самые «бедные» – торговля, нефтегазовики и т.п., вместо того чтобы реально поддержать старт-апы и предприятия в бизнес-инкубаторах, региональных технопарках, инновационных кластерах. Наведение порядка в этой сфере, перераспределение льгот на промсферу – вот где один из важнейших финансовых резервов реиндустриализации экономики.

Еще одно важное направление – формирование адекватной задачи реиндустриализации денежно-кредитной политики. Ситуация, когда стоимость рыночных кредитных ресурсов для ключевых отраслей выше нормы рентабельности, практически исключает кредитование развития промышленности, что является серьезным ограничением возможности реиндустриализации.

Этих позиций придерживаются многие экономисты.

Вот, в частности, мнение академика В.В. Ивантера: «Финансовые ресурсы для инвестиций и развития:

- рационализация использования накопленных резервов государства;
- вовлечение в инвестиционный процесс накопленных резервов энергосырьевого комплекса;
- расширение кредита».

Он справедливо считает, что если будет начато использование этих резервов, уже сам этот факт приведет к немедленному «развороту» в вопросе вывоза капитала и возврату значимых капиталов в Россию, что мультиплицирует инвестиционный процесс.

Таким образом, если принять наши предложения, которые консолидировано отражают предложения существенной части экономистов России, выступающих за реиндустриализацию как особый тип экономической (промышленной) политики, то можно говорить о том, что финансовые и инвестиционные возможности осуществить реиндустриализацию у нас имеются.

Следующий важный аспект касается инноваций.

Сегодня это уже просто критический для страны вопрос. В частности, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.11.2009 г. говорится: «Для формирования новой экономики, создающей уникальные технологии и инновационные продукты, были приняты лишь отдельные и несистемные ре-

шения. Больше медлить с этим нельзя. Мы должны начать модернизацию и технологическое обновление всей производственной сферы. Это вопрос *выживания* нашей страны в современном мире».

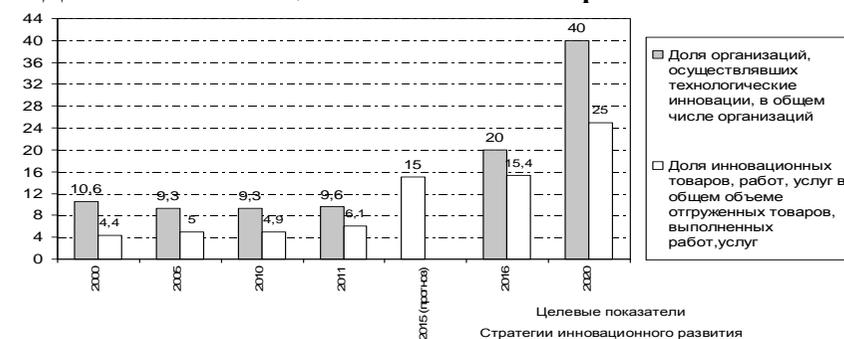
Об успешности модернизации российской экономики на новой технологической основе можно судить по многим показателям. Возьмем, например, долю инновационно-активных предприятий в ее составе и объемы выпускаемой инновационной продукции. Именно на их рост и направлен всем нам известный государственный документ – Стратегия инновационного развития России на период до 2020 г., в которой выбран сценарий догоняющего развития с элементами лидерства в отдельных сегментах экономики, в которых имеются или могут быть созданы конкурентные преимущества.

Реиндустриализация и инновации

Показатель	2020 г. (к 2010 г.)
Доля промышленных предприятий, осуществляющих инновации	Увеличение в 4–5 раз
Доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции	Увеличение в 5–7 раз
Доля российских высокотехнологичных товаров в общем объеме их мирового экспорта	Увеличение в 8 раз

Стратегия предлагает нам следующую картину.

Динамика инновационной активности промышленности

Соответственно, возникает вопрос: насколько реален наметаемый в стратегии резкий скачок инновационных показателей?

Чтобы ответить на него, необходимо выявить причины, по которым предпринимаемые на протяжении десятилетия меры не дали результата.

Известно, что активная инновационно-инвестиционная позиция государства служит обязательным условием современной эффективной промышленной политики.

Вместе с тем это *обязательное, но недостаточное условие*. Важно ясно представлять себе пределы возможностей государства в модернизации экономики. И наш собственный, и зарубежный опыт показывает: государство, концентрируя ресурсы под своим контролем на ограниченном числе направлений, способно обеспечить точечные инновационные прорывы, в том числе, как я упомянул выше, в особо значимых областях.

Однако инновационный экономический рост обеспечивают не передовые позиции в отдельных, пусть даже важных и крупных производствах и комплексах, а состояние экономики в целом. Она должна развиваться преимущественно за счет широкого использования технических, технологических, организационно-управленческих и иных нововведений, опираться на новейшее научное знание в соответствующих областях.

А это возможно лишь при условии заинтересованности критической массы предпринимателей, предъявляющих массовый спрос на технологические инновации.

Однако в России пока ни государство, ни бизнес не выполняют своих функций по формированию инновационного спроса. Так, при сопоставимом с любой страной-лидером объеме внутренних затрат государства (в % к ВВП) на исследования и разработки, с которых начинается процесс создания инноваций, затраты российских предпринимателей на эти же цели в разы меньше. В результате у нас и существенно меньший в целом (по сравнению со странами-лидерами) объем средств, направляемых на исследования и разработки.

Наукоемкость и наукоотдача национальных экономик некоторых стран (в 2004 г.)

Страна	ВВП на 1 занятого, тыс. долл.	Доля расходов на НИОКР в ВВП, %	Текущий индекс конкурентоспособности	Доля высокотехнологичной продукции в экспорте, %	Доля в мировом экспорте высокотехнологичного оборудования, %
США	73,1	2,64	2*	28,2	16,3
Китай	7,2	1,0	46	16,7	4,6
Германия	56,0	2,50	13**	15,3	4,8
Франция	56,5	2,20	27	19,4	3,4
Россия	18,0	1,24	70	3,1	0,2

* В 2006 г. – 6-е место,

** В 2006 г. – 8-е место.

Почему мы имеем такую картину? Каковы здесь главные ограничения?

Я бы отметил два уровня таких проблем, ограничивающих инновационное развитие как один из важнейших аспектов реиндустриализации (в том варианте, о котором мы говорим).

Во-первых, это проблемы на макроуровне:

- высокий уровень утечки научных кадров за рубеж;
- низкий уровень обеспечения охраны интеллектуальной собственности;
- высокая «антиинновационная» стоимость кредита;
- несовершенство системы распределения государственных ресурсов (коррупция, «откаты» и т.п. явления);
- неразвитость системы государственного и трудности частного финансирования проектов.

Не буду их подробно анализировать, они широко известны, и я привожу их здесь для большей полноты рассказа. Гораздо реже анализируются проблемы на микроуровне, на уровне предприятий промышленности. Здесь много интересного. В отличие от многих

коллег, считающих факторы, действующие на этом уровне, не особенно значимыми, наш институт, работающий непосредственно с промпредприятиями, придерживается другой точки зрения. Мы полагаем, что даже при создании идеальной среды на макроуровне мы не сможем интенсифицировать инновационное развитие промышленности без решения таких задач, как отсутствие эффективных инновационных менеджеров, неготовность предприятий к решению инновационных задач, отсутствие опыта инновационной деятельности, неразвитость системы управления на большинстве промпредприятий, отсутствие у них инфраструктуры инновационной деятельности, боязнь рисков внедрения инноваций и т.д.

Есть и другая, общегосударственная сторона этой проблемы – неоптимальность и неразвитость вообще в России инфраструктуры инновационной деятельности, трансфера технологий, механизмов управления интеллектуальной собственностью.

Управление интеллектуальной собственностью (ИС)

Китай	Россия
Стратегия «К инновационной экономике через рынок интеллектуальной собственности» (принята в середине 1990-х гг.)	Начаты работы по формированию механизмов управления интеллектуальной собственностью (ИС) (2010 г.)
Система госуправления: единая – комитеты интеллектуальной собственности (вертикаль – от Пекина до райцентра)	Нет единого госоргана управления и единой политики; управление на федеральном уровне – более 20 министерств и ведомств; в ряде регионов вопросы управления ИС находятся в ведении «экономических», «промышленных» и или «научных» комитетов/департаментов
Количество объектов ИС (в год): до 30 тысяч патентов на 1 муниципалитет	Количество объектов ИС (в год): 44,6 тысяч патентов (в 2011 г.) на всю РФ

В России вопросами интеллектуальной собственности занимаются более 20 министерств и ведомств, при этом единой службы по интеллектуальной собственности как не было, так и нет. Усилия по формированию рыночных отношений в этой сфере несопоставимы с финансовыми вложениями в данное направление. Это – один из стратегических рисков индустриализации.

Еще один аспект: императивом реиндустриализации являются инвестиции в человеческий капитал и проведение активной кадровой политики; приоритетными здесь являются создание и модернизация упомянутых президентом 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 г.

Что мы здесь имеем?

Среднесписочная численность занятых в экономике России сократилась за 20 лет (с 1990 года) на 8 млн человек, а в промышленности – на 9,5 млн человек. Наибольшее сокращение произошло в машиностроении, где в 1990 г. было занято 9–10 млн человек, а в настоящее время – меньше 3 млн. Таким образом, при различии ситуации по отраслям число занятых в машиностроении в целом уменьшилось примерно на 7 млн человек, т.е. втрое, и эта тенденция продолжается.

Сокращение промышленно-производственного персонала (ППП) в промышленности и машиностроении

Вид деятельности	1990	1995	2004	Снижение численности ППП, раз
Вся промышленность, млн чел.	21,0	16,0	11,9	1,8
Машиностроение, млн чел.	8,0	4,9	3,2	2,5
В том числе по видам машиностроения, тыс. чел.:				
дизелестроение	68	40	21	3,2
горношахтное и горнорудное машиностроение	75	49	31	2,4
подъемно-транспортное »	86	70	40	2,2
железнодорожное »	153	114	85	1,8

Вид деятельности	1990	1995	2004	Снижение численности ППП, раз
электротехническая промышленность	545	346	252	2,2
химическое и нефтяное машиностроение	280	191	241	1,2
станкостроительная и инструментальная промышленность	279	169	88	3,2
приборостроение	748	388	170	4,4
автомобильная промышленность	814	706	566	1,4
подшипниковая »	113	75	47	2,4
тракторное и сельскохозяйственное машиностроение	512	280	86	6,0
строительно-дорожное и коммунальное »	163	105	87	1,9
машиностроение для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов	198	139	73	2,7

Теперь, чтобы обеспечить преобладание высокотехнологичных видов деятельности, в целом по машиностроению в ходе реиндустриализации требуется воссоздать 6–7 млн, но уже новых – высокотехнологичных! – рабочих мест.

Кроме того, по примеру ЕС следует увеличить долю расходов на научные исследования и разработки до 2,5–3% ВВП; в проектных, конструкторских и других подобных организациях это даст еще более миллиона новых рабочих мест. Остальные 17–18 млн рабочих мест должны появиться при переходе на новые технологии в видах деятельности, потребляющих продукцию машиностроения и информационных технологий.

При этом стоит уделить первостепенное значение вопросам кардинального повышения производительности индустриального труда, структуры занятости, роли трудовой миграции, повышению мобильности трудовых ресурсов и т.д., вкладываться

в т.н. человеческий капитал, памятуя о том, что за сегодняшней индустриализацией должна последовать эпоха широкого развития научного знания и резкого возрастания его роли в экономике.

Какие еще риски и ограничения мы можем видеть сейчас?

Их достаточно много; они являются следствием влияния различных эндогенных и экзогенных факторов, проистекают из недостатков нормативной базы реиндустриализации, несоординированности действий институтов развития и т.д.

За неимением времени не буду на них более останавливаться. Отмечу лишь следующее: реиндустриализация в том виде, как мы это себе представляем, возможна только в **модернизированной институциональной среде, поощряющей создание** продукта и развитие производства, лояльной к индустрии и бизнесу. Большинство экспертов уверены в том, что именно плохая институциональная среда выступает сейчас основным ограничителем экономического роста в России. Эффект от институциональных изменений сопоставим или превышает возможные эффекты от мер фискального и монетарного стимулирования.

Вопрос важный и даже, я бы сказал болезненный, особенно в свете мер по ужесточению работы с предпринимательским сообществом, с бизнесом в целом, которые сейчас активно продвигаются.

По поводу нашего (Института нового индустриального развития и Института экономики РАН) доклада в Совете Федерации СФ РФ в «РБК» была информация. И там сказано, что мы, «старые экономисты», представители старшего поколения, некие ретрограды, ратуем за повышение роли государства в экономике и не обращаем внимания на такие вещи, как институциональное переустройство государства и т.д.

Уважаемые коллеги, хочу в противовес тому, что там было сказано, заявить, что, конечно, мы тоже прекрасно понимаем: неэкономические факторы также колоссально влияют и на экономику России, и, соответственно, на политику и практику реиндустриализации. Может быть, не меньше, а может быть, и больше в какой-то степени.

Подчеркну: само по себе увеличение объемов инвестиций до необходимых масштабов – это еще полдела. В первую голову – необходимо изменение мотивации предпринимателей в отношении инвестирования в реиндустриализацию.

И здесь наиболее важно добиться изменения характера присвоения результата экономической деятельности.

Сегодня мы можем говорить об основной беде – о рейдерстве в разных его ипостасях, суть которого – в отъеме у предпринимателя результата его деятельности, в несправедливом характере присвоения этого результата: доходов от бизнеса – в процессе бизнеса, самого бизнеса – если он успешен, надежд человека, в конце концов.

Вот если в процессе модернизации нашего общества нам удастся эту институциональную проблему решить, «обуздать», если предприниматель будет уверен – еще раз подчеркну – в своем будущем, он, наш предприниматель, и станет тогда – и только тогда! – развивать, вкладывать и оставлять результаты своего дела потомкам, обществу – здесь, а не так сказать, за бугром. Вот тогда будут и инвестиции, и инновации. Это, говоря языком математики, базовое из набора необходимых и достаточных условий. Предприниматель – основная движущая сила модернизации, и главная задача государства и общества – позитивное мотивирование его деятельности.

Я бы настаивал на такой формуле: будет интерес предпринимателя в осуществлении своей деятельности здесь, у нас, на нашей, российской земле – состоится у нас и модернизация экономики.

Стоит также упомянуть и о необходимости защиты прав и других участников процесса – менеджмента, работников, потребителей и т.д.

В этом – колоссальные наши возможности не только в осуществлении реиндустриализации, но и в развитии нашей экономики в целом. Но в этом же – в случае консервации или – тем паче! – ужесточения для предпринимательства нынешней институциональной среды – и главное, на наш взгляд, системное ограничение.

Спасибо за внимание и терпение!